

IV. ЭВОЛЮЦИЯ В ФИЛОСОФСКОМ АСПЕКТЕ

7

Парадоксы эволюции: философские вопросы прогресса, гуманизма и мышления*

Михаил Викторович Лапшин

Независимый исследователь

Важнейшие идеи, связанные с философией биологии, в первую очередь концепции прогресса (биологического), гуманизма и мышления, невозможно исследовать, не сталкиваясь с антиномиями. Материал теории эволюции может быть использован равно как в обоснование идеи прогресса, так и для ее отрицания. То же касается и статуса концепции гуманизма с точки зрения эволюции. Трансцендентальный источник возникающих противоречий не только связан с особенностями предмета (эволюционирующей живой природы), но и кроется в основаниях познавательной деятельности. Так, результат мышления (важнейшего эволюционного достижения) – мысль – имеет двойственную природу: это и продукт деятельности мозга, и одновременно отражение определенного положения дел в окружающем мозг мире – идея. Так же и эволюционные новшества (адаптации) можно рассматривать или как инженерные сооружения, или как нахождение ранее скрытых в природе возможностей. Соответственно, при исследовании новаций (мышления, эволюции в целом) разуму приходится делать эпистемологический выбор между конфликтующими перспективами: открытие или изобретение.

Последовательное развитие и синтез концепций прогресса и гуманизма приводят ко взгляду на человеческое мышление как на привилегированный способ познания. Для его оправдания мыслителям (С. Дж. Гулд, Н. Хомский, Р. Пенроуз) приходится подвергать сомнению «сердце» дарвинизма – теорию естественного отбора как исключительного источни-

* **Для цитирования:** Лапшин М. В. 2025. Парадоксы эволюции: философские вопросы прогресса, гуманизма и мышления. *Эволюция: Грани эволюции* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель. С. 201–214. DOI: 10.30884/978-5-7057-6518-8_07.

For citation: Lapshin M. V. 2025. Paradoxes of Evolution: Philosophical Questions of Progress, Humanism, and Thinking. *Evolution: Edges of Evolution* / Ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Volgograd: Uchitel. Pp. 201–214 (in Russian). DOI: 10.30884/978-5-7057-6518-8_07.

ка совершенства в живой природе. Такую концептуальную направленность мы предлагаем обозначить как интеллектуальный гуманизм.

Ключевые слова: теория Дарвина, прогресс, гуманизм, мышление, видовой шовинизм, происхождение человека, алгоритм, интеллектуальный гуманизм.

Посвящаю моему другу и учителю
Сергею Мирославовичу Антакову (1950–2020)

Введение: эволюционная теория и философские парадоксы

Знание о природе и человеке, предлагаемое эволюционной теорией, противоречиво, при всей своей научности и логичности.

Исследуя эту противоречивость, следует держать в уме следующие обстоятельства.

Во-первых, эволюционная теория самореферентна: человек познает эволюцию, и познавательный аппарат человека – продукт этой же эволюции. То есть эволюционная теория объясняет саму себя.

Во-вторых, эволюционная теория имеет многоуровневый характер. Например, в социологии существует традиция различать теории низкого, среднего и высокого уровня. Теории низкого уровня (*low-range theory*) с математической точностью описывают изменение систем во всех возможных подробностях. Теории среднего уровня (*middle-range theory*) объясняют причинно-следственные связи в принципиальном плане. Теории высокого уровня (*high-range theory*) претендуют на то, чтобы объединить в рамках единой объясняющей рациональности предметные области разных теорий и научных дисциплин. Если воспользуемся аналогией и приложим это разделение на биологию, то очевидно, что Ч. Дарвин создавал теорию среднего уровня. Популяционная генетика, молекулярная биология и эволюционная геномика подготовили почву для превращения эволюционной теории в теорию низкого уровня. «Дарвиновским фундаменталистам» Д. Деннету¹ и Р. Докинзу² приписывают стремление распространить дарвинизм за пределы биологии – на культуру, общество, психологию (McGrath 2010).

Переходы с уровня на уровень «без предупреждения», перевод фокуса с предмета в крупном разрешении на уровень абстрактных причин, закономерностей, тенденций приводят либо к теоретической путанице, либо к несоизмеримым рационалистическим моделям. Яркий пример – спор о геноцентричном взгляде на эволюцию (генный селекционизм, теория эгоистичного гена). Идея эгоистичных генов предлагает мощный объяснительный механизм, то есть показывает, что за видимой сложностью стоит

¹ Американский философ (род. 1942).

² Британский зоолог, эволюционист-теоретик, популяризатор науки (род. 1941).

невидимая простота. Но эта интеллектуальная красота дается ценой отказа от полноты: учета сложных взаимодействий, экологических факторов, уникальных и маловероятных случайных событий. Эволюционная теория, таким образом, содержит в своей структуре дилемму конфликтующих ценностей. Равно ценные стандарты *теоретической общности* и *эмпирической полноты* находятся в противоречии и, усиливаясь по отдельности, взаимно ослабляют друг друга. Выбор в пользу одной из альтернатив означает пренебрежение второй и, при последовательном развитии, парадокс (противоречие между теорией и эмпирией).

В общем, философия биологии – генератор философско-методологических антиномий. Речь, разумеется, не идет о научных ошибках, непознаваемости жизни или существовании противоречий в самой природе.

История философии, в числе прочего, – история поиска парадоксов и попыток (пока безуспешных) их разрешить. Апории Зенона, антиномии Канта, теоремы Геделя о неполноте – это свидетельства того, что мир устроен таким образом, что некоторые противоречивые утверждения о нем оказываются равно истинными (Прист 2022).

Философия биологии (творческая саморефлексия разума, познающего жизнь) не может избавить разум от противоречий, однако опознает их трансцендентальный исток в основаниях познавательной деятельности.

При этом в самой предметной области эволюционной теории имеются вопросы, столкнувшись с которыми наука вынуждена выходить за свои методологические рамки и начинать философствовать. В настоящей статье мы касаемся вопросов биологического прогресса и гуманизма. На их пересечении открывается возможность постановки еще одного важного вопроса – вопроса о природе и (возможной) уникальности человеческого мышления.

Двойственность живого и человека

В книге 1966 г. «Слова и вещи» М. Фуко (1994) исследует зарождение в недрах естественной истории XVIII в. той традиции, которую мы сейчас называем биологией – наукой о жизни. *Жизнь* в известном для нас понимании – как возможный предмет научного знания – открылась только после перехода от классической системы мышления (эпистемы) к современной (начало XIX в.). Таким же образом «появление» познавательного инструментария для понимания *языка* и *труда* означало возможность развития лингвистики и политической экономии.

Биологи Ренессанса и классической эпохи давали растениям и животным названия и классифицировали их. Сама жизнь не мыслилась как нечто объективно существующее. Взгляду мыслителей представлялись живые существа, которые было необходимо снабдить именами и распреде-

лить по признакам в рамках таблицы (*таксономия*). В этой сетке знания наиболее «научным» было изучение растений.

В классическую эпоху за живыми существами, полагает французский философ, начала просматриваться Жизнь – сущность, теоретически отделимая от конечных существ (Фуко 1994). С этого времени Жизнь – недоступное прямому наблюдению глубинное первоначало, таинственная сила. Жизнь наделяет организмы функциями: дыхание (жабры, легкие), передвижение (плавники, ноги), что находит свое выражение в анатомии. Между видами открывается система тождеств и различий с точки зрения функций, более глубокая, чем классификация по наблюдаемым признакам. Биология становится возможностью неограниченного познания отдельной онтологической реальности – Жизни – в ее бесконечном многообразии (*витализм*).

Ж. Кювье (1769–1832) сделал предметом исследования прерывность между видами (теория катастроф), обратив внимание на то, что организмы находятся в среде, которая, с одной стороны, обеспечивает их существование, а с другой – грозит смертью.

Фуко констатирует, что с XIX в. наиболее влиятельные биологические концепции опираются на образ *зверя* (а не растения). Зверь активно борется за существование в угрожающей среде, постоянно находится на грани жизни и смерти. Для исследователя он представляет интерес как носитель таинственных сил, которыми его наделила Жизнь, чтобы через мгновение разрушить. Важнейшим научным вопросом становится *смерть* и ее причины (гибель особей, вымирание видов).

Объяснение связи животного со средой как источником жизни и смерти – ключевой шаг к эволюционному мышлению. Эволюцию нельзя объяснить ни только через язык порождения нового (происхождения видов), ни через язык исчезновения (вымирания): ведь они две ипостаси одной двойственной сущности.

По Фуко, сам человек, изучаемый современными науками, обретает свою позитивную определенность в системе координат биологии, языкознания и политэкономии. Конечны его тело, слова и дела. Но в такой конечности просвечивает бесконечность. Жизнь, язык и экономика – стихии, непонятные и неподвластные человеку. Конкретный человек – пылинки в круговороте эволюции жизни, истории языков и мировой экономики. Само развитие наук (биологии, филологии, политэкономии) обнаружило это двойственное положение на перекрестке между эмпирико-позитивной конечностью и философско-религиозной бесконечностью. Фуко констатирует, что начиная с XIX в. человек – эмпирико-трансцендентальная двойственность. Ее уловил И. Кант, но потом отверг Г. В. Ф. Гегель (за ним – К. Маркс и Ф. Энгельс). В *критиках* Канта конечность человека – главная философская проблема.

Для самого себя человек неисторичен, время приходит к нему откуда-то извне (вместе с историей жизни, историей слов и вещей). Истории, в которых человек участвует поневоле, чужды и неподвластны ему.

Дарвин: расставание науки с философией?

Додарвиновская биология служила материалом для прогрессистских философских учений и систем, основанных на идее развития природы от простого к сложному, от примитивного к совершенному.

С Ч. Дарвина началось концептуальное отдаление теории эволюции от философского прогрессизма (а также сопутствующей веры в социальный прогресс и «глобальное» усовершенствование мира).

При этом первый дарвинизм (XIX в.) был активно поддержан сторонниками идеи социального прогресса, то есть убеждения, что люди своими силами могут сделать мир лучше (Ruse 2010). Движение природы от простого и примитивного к сложному и разумному, как предполагалось, могло служить натуралистическим фундаментом для прогрессизма. Эта связь природы и истории вдохновила К. Маркса и Ф. Энгельса (диалектика природы), которые поддержали Дарвина (с существенными оговорками). Таким образом, философия и ее идейная поддержка сыграли определенную роль в росте влияния дарвинизма.

Идея расхождения философии и науки оказалась неприемлемой для Гегеля, а вслед за ним – для Маркса и Энгельса. Диалектический материализм – учение о единстве философии и науки, природы и мышления. Энгельс верил, что диалектика – ключ к выявлению всеобщей связи развития и, когда естествознание и историческая наука «впитают в себя диалектику», надобность в философии природы отпадет; вернее, наука и философия составят единое знание (Энгельс 2017).

В дальнейшем развитие дарвинизма избавляло эволюционизм от необходимости искать опору в философской онтологии. В 20–30-е гг. XX в. теория естественного отбора дополнилась генетикой. Открылось, что эволюция – это не таинственное саморазвитие жизни от низшего к высшему, а смена во времени частот аллелей (по сути молекул) в популяциях, которую можно измерить, посчитать, а также подвергнуть другим формам математического анализа. В 1950–60-е гг. были изучены молекулярная структура генов и основные механизмы молекулярной биологии. Это дало повод Ж. Моно³ заявить, что развитие генетики обнаружило глубинную несовместимость биологии и философии. Философы (натурфилософия, Г. В. Ф. Гегель, Г. Спенсер, марксизм), по его убеждению, пытались отыскать в природе подтверждение «анимистических» предрассудков. Анимизм в терминологии Моно – стремление разума наделять природу свои-

³ Французский микробиолог и биохимик, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине 1965 г. (1910–1976).

ми собственными качествами (интенциональность, стремление к гармонии, закономерность, оптимизм). С его помощью человек заглушает тревожность, вызванную экзистенциальным отращением к случайности (Monod 1977). Осмысленность природы якобы позволяет наделить ее моральными качествами. Ложная задача философии (анимизма) – обосновать связь человека с природой, показать роль человека в развитии некоего вселенского замысла.

Развитие же науки, уверяет Ж. Моно, ничего не может предложить философам. Мир в корне случаен, как случаен человек. Теория эволюции и молекулярная биология проливают свет на мир, который устроен совсем не так, как это могли бы представить себе последователи диалектического материализма (Ф. Энгельс): жизнь объясняется механическим взаимодействием молекул, а не диалектической логикой. Структура гена и принципы его репликации имеют сугубо механическую природу, то есть для их «философского» понимания достаточно самого грубого вульгарного материализма. Для познания биологии бессмысленно изучать диалектику, гораздо полезнее владеть булевой алгеброй и математической логикой (*Ibid.*: 79).

В общем, развитие эволюционной теории ускорило «убегание» биологической рациональности от философской традиции. Это была плата за раскрытие объяснительного естественно-научного потенциала дарвинизма: он позволил описывать прогресс в сюжетной и логичной форме, дал точки приложения математического аппарата.

Прогресс в биологии: парадоксальная концепция

Проблема эволюционного прогресса имеет сложную и извилистую историю.

Ч. Дарвин, очевидно, был сторонником идеи прогресса. Одной из целей в «Происхождении видов» (1859; Дарвин 2001) представляется намерение подвести под идею биологического прогресса научное основание. Цель эта не была доведена Дарвином до конца (как и всеми его последователями): по тексту книги разбросаны замечания по этому вопросу, которые вряд ли складываются в цельную концепцию прогресса.

Исследование Т. Шанахана (Shanahan 2001) раскрывает, как Дарвин в течение жизни пытался доказать, что эволюция под действием естественного отбора создает предпосылки для биологического прогресса – появления все более сложных и совершенных организмов. И хотя тот же естественный отбор ведет некоторые виды к упрощению и вымиранию, однако «в целом» жизнь усложняется. Прогресс, таким образом, можно понимать как побочный эффект действия естественного отбора. Эта точка зрения прямо противоположна теории Ж. Б. Ламарка, который был убежден в том, что существует природный закон, ведущий виды к совершенству.

Что касается «скользкого» вопроса о критериях прогресса, то Ч. Дарвин полагал, что он заключается в увеличении специализации органов

и тканей, а также разделении труда между органами. По мнению ученого, именно эти свойства наиболее эффективно обеспечивают приспособленность и успех в борьбе за жизнь.

В «Происхождении человека» (1871) он писал: «Так как организмы приспособлялись мало-помалу, путем естественного отбора, к различным родам жизни, то их органы, благодаря преимуществам разделения физиологического труда, должны были все более и более дифференцироваться и специализироваться для различных отправлений. Одни и те же части оказываются часто видоизмененными сначала для одной цели и затем, гораздо позже, для другой, совершенно различной; вследствие этого все части становятся все более и более сложными. Тем не менее каждый организм все-таки сохраняет общий тип строения предка, от которого произошел первоначально. Согласно этим воззрениям, оказывается, на основании геологических данных, что организация вообще подвигалась вперед на всей земле медленными и прерывистыми шагами. В обширном царстве позвоночных она достигла своего высшего развития в человеке» (Дарвин 2009: 209–210).

Правда, Дарвин в то же время признавал и реляционную сторону прогресса: «пережившие» виды, то есть победившие в борьбе за существование, следует рассматривать как более прогрессивные.

Таким образом, прогресс для Дарвина – эмпирическое обобщение (палеонтология свидетельствует о том, что со временем появлялись все более сложные организмы), опирающееся на теорию (естественного отбора). Теория Дарвина объясняет появление все более прогрессивных организмов, однако не может гарантировать, что каждый новый вид будет прогрессивнее своего предшественника.

После Дарвина эволюционная мысль не оставляла попыток разглядеть в дарвинизме основу не только для теории биологического прогресса, но и для прогресса природы в целом.

Дж. Хаксли⁴ полагал, что эволюция напрямую свидетельствует о прогрессивном развитии. Он выделил шесть параметров, по которым жизнь на Земле демонстрировала систематический прогресс: **размер** (как клеток, так и их скоплений-организмов), **сложность** (в первую очередь – разделение труда между органами), **слаженность органов**, **саморегуляция** (которая обеспечивает независимость от среды), **обучаемость** (способность использовать прошлое для воздействия на настоящее: память, рациональность, традиции), **психические способности** (знание, чувства, воля). Появление новых видов в каждую новую эпоху приводило к повышению верхней планки по каждому из этих параметров. Соответственно, жизнь в целом прогрессировала.

⁴ Английский биолог, теоретик-эволюционист, один из создателей синтетической теории эволюции (1887–1975).

При этом прогрессивные изменения не должны выражаться только в количественном увеличении параметра, изменения должны открывать путь новым прогрессивным изменениям. Этим прогресс отличается от ту-пиковой специализации.

Дж. Симпсон⁵ в ответ на «прогрессивный оптимизм» Хаксли возра-зил, что вопрос прогресса – вопрос перспективы. С точки зрения человека критерии, предложенные Хаксли, важны и действительно свидетельствуют о прогрессивном развитии. Однако таких критериев можно выделять неопределенное множество, это дело вкуса. Соответственно, сколько кри-териев – столько и прогрессов. Не существует качеств, улучшение кото-рых помогало было выживать любым его обладателям. Например, кротам ни к чему зрение орла, а способность мыслить не поможет тростнику лучше расти и размножаться. Таким образом, привязка прогресса к любо-му признаку будет носить искусственный характер.

В течение XX в. скепсис в отношении идеи прогресса в эволюцион-ной теории нарастал. Симпатии Ч. Дарвина к идее эволюционного про-гресса стало принято объяснять данью эпохе (когда вера в прогресс была общим местом), а также его поэтическим восхищением природой.

Философская проблематика прогресса в биологии в значительной степени раскрылась в ходе дискуссии дарвинистов-теоретиков Р. Докинза и С. Дж. Гулда⁶ в 80–90-х гг. XX в.

Гулд – противник идеи прогресса в биологии. Он рассматривает про-гресс как случайное движение в случайные стороны от простых начал, а не направленный импульс в сторону большей сложности, подразуме-вающей большую приспособленность (Shanahan 2004: 130). Под прогрессом Гулд понимает предполагаемую «направляющую силу» (*orienting force*), которая делала бы мир живого со временем более совершенным. Раз та-кой силы нет, то нет и прогресса. Большую часть биомассы составляют растения (более 99 %), с точки зрения числа особей доминируют микро-организмы. Наиболее прогрессивные по человеческим меркам существа (млекопитающие) – ничтожная доля в жизни как по видовому разнообра-зию, так и по массе. Таким образом, в среднем жизнь не усложняется и не прогрессирует. По мнению Гулда, вера в биологический прогресс – миро-воззренческий рудимент *финализма*, оставшийся от времен, когда люди верили в то, что эволюция «должна» вести к появлению человека. При этом идея прогресса делит существа на более прогрессивные и менее про-грессивные, то есть готовит фундамент для оправдания идеи о превосход-стве кого-то над кем-то (чем-то), и потому подпитывает предрассудки: ра-сизм, социал-дарвинизм, видовой шовинизм⁷.

⁵ Американский палеонтолог и зоолог, автор термина *синтетическая теория эволюция* (1902–1984).

⁶ Американский палеонтолог, теоретик-эволюционист, историк науки (1941–2002).

⁷ Англ. *speciesism*: видовая дискриминация, спесишизм, спешисизм, видовое превосходство, видоцентризм, видизм.

Р. Докинз считает, что прогресс в биологии вполне реален. Там, где действует естественный отбор, где появляются новые адаптивные признаки, – там речь идет о прогрессе. С точки зрения адаптационизма прогресс – тенденция филетических линий накопительно улучшать свою анатомическую приспособленность к определенным условиям путем развития признаков, которые образуют адаптивные комплексы. Бóльшая адаптированность может выражаться как в увеличении сложности (разумности, других важных параметров), так и в ее снижении. Особенно наглядным является проявление прогресса в эволюционных процессах, характеризующихся как гонка вооружений, то есть там, где гены вынуждены адаптироваться к существованию других эволюционирующих генов: хищник – жертва, паразит – хозяин, манипуляторы – жертвы манипуляций, брачные поединки. Новые поколения, выдержавшие борьбу за существование, имеют гены, анатомию и поведение, которые лучше справляются с задачами по выживанию и размножению, чем их предки. Докинз уверен, что если в понятие прогресса не закладывать слишком много антропоцентрического (шовинистического) содержания, тогда прогресс – не оптическая (статистическая) иллюзия, как полагает Гулд, а вполне осязаемое качественное явление. Кумулятивное накопление адаптивных признаков – это прогресс, который осуществляется не в результате «случайного блуждания». Более адекватной следует считать аналогию с реальной гонкой вооружений – то есть соревнованием инженерных решений: когда каждая сторона стремится «обогнать» технологический прогресс, достигнутый соперником.

Содержание разногласий показывает, что дарвинизм не предлагает готового теоретического основания для идеи прогресса. Как и для его опровержения. В настоящее время биологический прогресс – просто эмпирическое обобщение, не имеющее объяснения.

От прогресса к гуманизму

Прогресс и гуманизм концептуально связаны. При всем многообразии определений гуманизмом традиционно называют наделение жизни человека высшей ценностью. Высшая ценность человеческой жизни подразумевает, что человек в каком-то важном отношении принципиально отличается от всех остальных существ. Биологический прогресс – путь, через который это отличие и эта особенность реализуются. Без идеи прогресса идея гуманизма повисает в онтологической (натуралистической) невесомости.

Советская философия биологии определяла дарвинизм как теорию, проявляющую адаптациогенез (развитие адаптаций), видообразование и прогрессивное развитие (Мозелов 1983). У марксистов не вызывало сомнений, что природа закономерно прогрессирует от низших форм к высшим. Человеческое общество – высшая форма движения материи, которая также проходит свои стадии прогрессивного развития, но уже по законам,

открытым К. Марксом (дарвинизм передавал эстафету марксизму). Такая иерархия делала гуманизм научно обоснованным, так как его этическое содержание было продолжением естественно-научной картины мира.

Но если, как мы рассмотрели выше, не существует научного объяснения прогресса, то нет и научного (эволюционного) объяснения гуманизма. Мы верим, что жизнь человека бесценна (а жизнь свиньи – нет). Хотя свинья, как и бактерии, грибы, растения, другие животные, – такой же результат 4 млрд лет эволюции. Значит, различие между человеком и свиньей необходимо теоретически обосновать, желательно научными средствами.

Таким образом уважаемый гуманизм содержательно «переливается» в этически сомнительный видовой шовинизм, выступает его оборотной стороной. Собственно, для видовой шовинизма (специцизма, спешисизма) – то есть (иррационального) убеждения в презумпции превосходства человека над другими видами (для оправдания отсутствия прав у животных) – более логичным названием и был бы *гуманизм*. Скорее всего, он так бы и назывался, если бы термин не был «занят»⁸.

Есть гипотеза, что видовой шовинизм – часть природы человека, так как охота и поедание мяса были неотъемлемыми условиями антропогенеза. При этом гуманизм (вера в права и достоинство всех людей, независимо от расы, пола и т. п.) – явление новое и хрупкое.

Многие знаменитые биологи и теоретики неодарвинизма (Ф. Г. Добржанский, Дж. Симпсон, Э. О. Уилсон) в общественно-политической публицистике и научно-популярной литературе выступали сторонниками как биологического, так и социокультурного прогресса. Однако в их научные труды прогрессу путь был заказан. Фактически сформировались две биологических реальности: научно-биологическая (без прогресса) и гуманитарно-биологическая (с прогрессом).

В наши задачи сейчас не входит разбор проблем современного гуманизма. Мы рассматриваем вопрос о связи прогресса и гуманизма, чтобы обратить внимание на то, что знание об эволюционирующей природе обнаруживает противоречие. Вернее, оно раздваивается: прогресс и существует, и не существует. Биологи, когда они выступают как философы-естествоиспытатели, рассуждают о роли, месте и ответственности человека в эволюции прогрессирующей природы. Когда же их мысль касается природных процессов в оптике естественной науки, идея прогресса пропадает, как мираж. Соответственно, и гуманизм: как натуралистическая концепция (сфера сущего) он ложен, как экзистенциальная позиция (сфера должного) – он истинен.

Интеллектуальный гуманизм: в поисках неадаптивного совершенства

Тем не менее ученым свойственно верить в прогресс (по крайней мере, в глубине души), ведь их оружие, разум и наука, – продукты прогресса.

⁸ Как и термин *антропоцентризм*.

Но если прогресс – оптическая иллюзия (С. Дж. Гулд) или даже сумма локальных адаптаций (Р. Докинз), тогда привилегированный статус человека с его разумом и наукой оказывается под вопросом.

То, что эволюционный характер мозга – а именно его приспособительная функциональность – может представлять угрозу для доверия разуму вообще, осознавал еще Ч. Дарвин. В одном из писем он признавался: «Меня постоянно мучает ужасное подозрение: могут ли убеждения человеческого разума, развившегося из разума низших животных, иметь какую-либо ценность, заслуживать хотя бы малейшего доверия?» (письмо Грэхэму, 1881; цит. по: Каннингем 2018: 193).

В книге «Опасная идея Дарвина» (1995) Д. Деннет показывает, что поиск и обоснование неэволюционных свойств человеческого разума коррелирует с недоверием к созидательной силе естественного отбора. Многим дорога идея, что, по крайней мере при формировании нашего мозга, помимо отбора, должны были вступить в игру какие-то другие факторы.

Обычно, когда пытаются «вывести» происхождение человека из-под действия естественного отбора (либо «усилить» отбор какими-то другими факторами), речь идет о происхождении разума (либо сознания). По нашему мнению, по большей части при этом подразумевается мышление – способность человека добираться до истинного положения дел, а также активно и целенаправленно преобразовывать реальность.

Мысль существует на границе между человеком и нечеловеком: это и продукт деятельности мозга (мышления), и отражение какого-то положения дел в окружающем мозг мире (идеи).

Что может нам предложить дарвинизм для объяснения мышления? Как и для любой другой адаптации, наиболее адекватным будет анализ с точки зрения инженерного дела (Деннет 2020). Тогда мыслящий мозг – это инженерное устройство (компьютер), со всеми плюсами и минусами. Плюс в том, что он эффективно работает. Минус же в том, что эффективность любой техники относительная и, как правило, ограничена функциональным назначением, компромиссами между качеством и ценой (затратами).

В противовес этому, однако, можно предположить, что мышление – это не адаптация. Другими словами, что оно – не алгоритмический процесс или сформировалось не за счет алгоритмического процесса (естественного отбора).

Например, глаз – устройство, приспособленное для восприятия определенного спектрального диапазона электромагнитного излучения, называемого светом. Глаз эволюционировал путем алгоритмической подгонки (естественного отбора) своего анатомического устройства под наилучшие функциональные свойства. Но свойства света – не инженерное устройство, они не эволюционировали, они находятся в области законов физики.

Можно сказать, что эволюционирующее зрение алгоритмически «открывало» неалгоритмический свет.

А что же мышление? Возникает соблазн провести аналогию: если легкие приспособлены для дыхания воздухом и их анатомия свидетельствует о существовании воздуха, тогда строение мозга может *свидетельствовать* о существовании *ментального воздуха* (Oakes 2008). Тогда ум, разум, мышление – органы, прикасающиеся к ментальному воздуху и устроенные таким образом, чтобы в своей материальной структуре не только отражать реальное положение дел в окружающей среде, но и иметь доступ к «вечным истинам» (законам логики, математики, метафизики). Собственно, об этом учил Платон, который дополнил материальный мир миром идей.

Насколько такой взгляд соответствует естественно-научному материалу?

Альфред Рассел Уоллес⁹ в 1869 г. отверг возможность происхождения человека (в первую очередь его умственных и моральных качеств) от обезьян без вмешательства сверхъестественных сил. Он пришел к выводу, что интеллект и мораль – качества, которые не могли дать преимуществ древним «дикарям», а потому они не могли быть поддержаны естественным отбором. Их развитием мы обязаны Высшему Разуму. Таким образом Уоллес отмежевался от *натурализма* Дарвина, который в книге «Происхождение человека» (1871) обосновывал, что отличия интеллектуальных способностей человека от способностей других животных носят количественный, а не качественный характер.

Теоретик универсальной грамматики Н. Хомский¹⁰ отстаивает убеждение, что язык возник не путем мелких усовершенствований за счет естественного отбора, а явился экзаптацией (спандрелом) – побочным эффектом развития умственных способностей. При этом сам язык (врожденный языковой орган) – свойство мозга отражать подлинную структуру реальности, поэтому психология «должна» быть идейно ближе к *физике*, чем к биологии. «Насколько мы можем судить, человеческий язык связан со специфическим типом ментальной организации, а не просто с более высоким уровнем развития интеллекта. Следует, по-видимому, считать безосновательным мнение, будто человеческий язык есть лишь более сложный случай чего-то такого, что встречается в других областях животного мира. Это оборачивается серьезной проблемой для биологов, ведь если сказанное здесь о языке справедливо, то язык представляет собой пример подлинной “эмерджентности” – то есть возникновения качественно нового феномена на определенной стадии процесса возрастания сложности» (Chomsky 2006: 61–62).

⁹ Британский натуралист, географ, путешественник. Соавтор теории естественного отбора, автор термина *дарвинизм* (1823–1913).

¹⁰ Американский лингвист, политический публицист (род. 1928).

По замечанию Д. Деннета, Н. Хомский с его стараниями увести происхождение языка (и косвенным образом – мышления) из-под власти «неинтересного» естественного отбора, снискал репутацию «криптокреациониста».

Р. Пенроуз¹¹ выдвинул идею о квантовой природе сознания (1989). Главный вывод этой идеи – человеческий мозг обладает свойствами, которые не могут быть сведены к вычислительным алгоритмам, поэтому человеческое сознание имеет неалгоритмический характер.

Убеждение в том, что мышление человека выходит за рамки биологических характеристик мозга, в каком-либо отношении превосходит все другие когнитивные системы (включая искусственный интеллект), что природа мышления не может быть объяснена эволюционной теорией, мы предлагаем назвать **интеллектуальным гуманизмом** (ИнГ). Если провести аналогию с просто гуманизмом, то ИнГ – представление о том, что мысли, порожденные человеческим мозгом, имеют большую ценность, чем «мысли» компьютера и животных, что человек может додуматься до чего-то такого, что «не придет в голову» никакому другому существу или устройству.

Можно сказать, что ИнГ – часть традиции наделять законы мышления более фундаментальным значением, чем процесс мышления. На практике это выражается в предпочтении теорий, согласно которым мышление человека является источником замысла, а не инженерным артефактом «бессмысленного» алгоритмического процесса.

ИнГ, как и гуманизм вообще, может быть понят и как часть научной картины мира, и как экзистенциальная позиция, независимая от натуралистического основания.

«Научный» интеллектуальный гуманизм – ИнГ(Н) – убеждение в том, что мышление (человека) имеет привилегированный доступ к истине в силу своей исключительной (недарвиновской) природы.

«Экзистенциальный» интеллектуальный гуманизм – ИнГ(Э) – вера в то, что мышление способно достигать всех существенных для человека истин, независимо от того, возникло ли оно «по Дарвину» или нет.

Заключение

Новация – рождение новой мысли, развитие новой адаптации – всегда противоречива для разума. Находясь в рамках опредмечивающего мышления, мы не можем решить, с чем имеем дело: с изобретением или открытием (Антаков 2010). Что первично: крыло или воздух, глаз или свет? Что делает эволюция: находит новую форму бытия (эссенциализм) или превращает небытие в бытие (инженерное дело)? Соответственно, мы обречены выбирать критерий приемлемой для нас неполноты (неполнота теории или неполнота реальности).

¹¹ Британский математик и физик, лауреат Нобелевской премии по физике 2020 г. (род. 1931).

С эмпирико-трансцендентальной двойственностью природы и человека связана причина того, что разум сталкивается с парадоксами при исследовании наиболее человекомерных вопросов: идей прогресса, гуманизма и природы мышления. Одним из ответов на парадоксальность эволюционной природы человека становится позиция интеллектуального гуманизма.

Библиография

- Антаков С. М. 2010.** Апория трансцендентальных оснований субъект-объектного дуализма теоретического знания. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки* 4(20): 143–149.
- Дарвин Ч. 2001.** *Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь*. 2-е изд., доп. СПб.: Наука.
- Дарвин Ч. 2009.** *Происхождение человека и половой отбор*: в 2 кн. Кн. 1. М.: ТЕРРА – Книжный клуб.
- Деннет Д. 2020.** *Опасная идея Дарвина: эволюция и смысл жизни*. М.: НЛЮ.
- Каннингем К. 2018.** *Благочестивая идея Дарвина. Почему ультрадарвинисты и креационисты ее не поняли*. М.: Изд-во ББИ.
- Мозелов А. П. 1983.** *Философские проблемы теории естественного отбора*. Л.: Наука, Ленингр. отделение.
- Прист Г. 2022.** *За пределами мысли*. М.: Канон-плюс, Реабилитация.
- Фуко М. 1994.** *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук*. СПб.: А-сad, Талисман.
- Энгельс Ф. 2017.** *Анти-Дюринг; Диалектика природы*. М.: Изд-во «Э».
- Chomsky N. 2006.** *Language and Mind*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McGrath A. E. 2010.** The Ideological Uses of Evolutionary Biology in Recent Atheist Apologetics. *Biology and Ideology from Descartes to Dawkins* / Ed. by D. Alexander, R. L. Numbers, pp. 329–352. Chicago, London: The University of Chicago Press.
- Monod J. 1977.** *Zufall und Notwendigkeit. Philosophische Fragen der modernen Biologie*. München: DTV.
- Oakes E. T. 2008.** Complexity in Context: The Metaphysical Implications of Evolutionary Theory. *Fitness of the Cosmos for Life: Biochemistry and Fine-Tuning* / Ed. by J. D. Barrow, S. C. Morris, S. J. Freeland, Ch. L. Harper, pp. 49–69. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ruse M. 2010.** Evolution and the idea of social Progress. *Biology and Ideology from Descartes to Dawkins* / Ed. by D. Alexander, R. L. Numbers, pp. 247–275. Chicago, London: The University of Chicago Press.
- Shanahan T. 2001.** Methodological and Contextual Factors in the Dawkins/Gould Dispute over Evolutionary Progress. *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences* 32(1): 127–151.
- Shanahan T. 2004.** *The Evolution of Darwinism: Selection, Adaptation and Progress in Evolutionary Biology*. Cambridge: Cambridge University Press.